

18+

ВАЛЬКИРИЯ. НА ЛИНИИ ВЫЗОВА.

СЕРГЕЙ САМБОРСКИЙ

Сергей Самборский

Валькирия. На линии вызова

«Издательские решения»

Самборский С.

Валькирия. На линии вызова / С. Самборский — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Кира — фельдшер реанимации, привыкшая бороться за жизни на городских улицах. Но когда её младший брат уходит контрактником в горячую точку и приходит сухая бумага «пропал без вести», мир Киры рушится. Не найдя ответов в тылу, она делает единственный возможный шаг: оставляет работу, отца и подписывает контракт. Кира отправляется на передний край, в тот же батальон — чтобы пройти через любой ад, сложить пазл из чужих воспоминаний и найти брата. «Валькирия. На линии вызова» — первая книга цикла.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Валькирия. На линии вызова

Сергей Самборский

© Сергей Самборский, 2026

ISBN 978-5-0071-0299-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Синие вспышки проблесковых маячков полосовали салон реанимационного автомобиля, превращая ночь в рваный калейдоскоп света и тени. Машина летела по городским улицам, подпрыгивая на неровностях асфальта так, что медицинские чемоданы на полках глухо постукивали, вторя вибрирующему гулу мотора. Сквозь стекло, отделявшее меня от кабины водителя, я видела лишь спину Влада — широкую, напряжённую, намертво вцепившуюся в руль. Он не просил дороги — он её брал, выдавливая из потока ночных машин каждую секунду, которую у нас крал город.

Я сидела, упёршись пятками в пол, чтобы не съехать с откидного сиденья, и перебирала пальцами ремни крепления кушетки и шланги аппарата ИВЛ. Мои движения были доведены до автоматизма: здесь, в этом тесном пространстве, пропахшем хлоркой и озоном, всё имело своё место. Пальцы безошибочно находили коннекторы, проверяли герметичность трубок, готовность контура. Я не чувствовала ни страха, ни суесть — только холодную, звенящую ясность. Руки работали сами по себе, пока разум уже был там, на перекрёстке, где кто-то считал последние удары своего сердца.

Рация над головой коротко хрипнула, и голос диспетчера пробился сквозь ровный вой сирены, переходящей на утробный, низкий тон перед въездом на оживлённый проспект.

— Вызываю Валькирию, приём.

— Валькирия на линии.

— Кира, вводная по ДТП. Пострадавший зажат, критическая кровопотеря. Подозрение на повреждение аорты, первичный осмотр был неполным. Сейчас сообщили о массивной кровопотере. Счёт пошёл не на минуты, а на секунды. Работайте.

Я не стала тянуться к тангенте. Просто качнула головой, будто диспетчер мог меня видеть, и нажала кнопку громкой связи.

— Приняла, — голос прозвучал сухо, без единой лишней нотки.

Отстегнув ремни, я слегка подалась вперёд при очередном резком манёвре и одним рывком вытянула из-под сиденья жёсткую укладку с реанимационным набором. Внутри укладка была уложена так, как привыкла я: жгуты, зажимы, система для быстрого переливания, рассчитанная на большой объём, — всё на своих местах. Влад сбросил скорость, входя в затяжной поворот; машину ощутимо качнуло, но я даже не изменила позы, просто перенесла вес на другую ногу.

Город за окном превратился в неясное марево: жёлтые фонари смешивались с неонам витрин, оставляя на стекле лишь длинные, кривые шлейфы. Я знала каждый поворот в этом районе, знала, где асфальт продавлен фурами, а где дорожники оставили рытвины. Смотрела на свои руки, покрытые тонкими светлыми шрамами — следами моей работы, моей ежедневной схватки, — и видела, как они чуть заметно подрагивают. Не от страха, а от того, что внутри сейчас сжимается пружина, готовая распрямиться в самый нужный момент.

— Через сто метров берём правее, — бросил Влад, не оборачиваясь.

— Вижу, — отозвалась я, уже срывая с креплений баллон с кислородом.

Мне не нужно было представлять, что нас ждёт. Я видела это сотни раз: искорёженный металл, запах бензина, перемешанный с железистым привкусом крови, и человека, который смотрит в пустоту, пока жизнь вытекает из него тонкой, но неотвратимой рекой. Я знала, что сейчас от меня потребуется не просто ловкость, а способность стать единственной опорой для того, кто готов сорваться в темноту.

Поправив перчатки, я натянула их с сухим, резким звуком латекса и почувствовала, как дыхание стало ровным и глубоким. Машина резко затормозила; шины с визгом вгрызлись в

мокрый асфальт, и нас швырнуло вперёд. Вспышки синих маячков замерли, заливая улицу рваным, тревожным светом. Мы прибыли.

Схватив тяжёлую укладку, я почувствовала, как внутри всё затихает, оставляя место только для чистого, холодного действия. По прибытии на место аварии на нас обрушилась новая какофония звуков: грохот брандспойтов, шипение гидравлики, крики полицейских и редкие, отрывистые фразы случайных свидетелей. За окном в густом дожде танцевали синие и красные отблески маячков других машин, смешиваясь с миганием фонарей и уличного освещения.

Распахнув заднюю дверь и не выпуская из рук тяжёлую укладку, я шагнула в этот хаос. Влад уже выбрасывал из кабины вторую сумку, за секунду оценивая обстановку. Мой взгляд моментально выхватывал главное: искорёженный грузовик, припечатавший к бетонному столбу легковую машину, смятую в тонкий лист металла. Вокруг суетились спасатели в оранжевых комбинезонах. Один из них, с тяжёлым бензорезом в руках, уже резал стойку, другой пытался вырвать дверь.

Запахи — горелый металл, топливо, мокрый асфальт — ударили в лицо. И сквозь этот смрад я уловила тот самый, едва заметный железистый запах, от которого кровь стыла в жилах. Запах крови.

Двинулась к покорёженной машине — не торопясь, но и не замедляя шага. Глаза фиксировали каждую деталь: положение тела пострадавшего, зажатого между сиденьями и рулевой колонкой, бледность кожи, неестественный изгиб ноги, тёмно-красное пятно на груди. Спасатели, услышав мои шаги, на секунду повернули головы, но никто не бросился с глупыми вопросами. Они знали, кто здесь Валькирия, и понимали, что каждое моё движение — это команда.

Встав рядом с машиной на безопасном расстоянии от работающего бензореза, но максимально близко, чтобы видеть лицо пострадавшего, я уже разворачивала укладку. Пальцы, привыкшие к этой работе за сотни смен, расстегивали молнии, доставали пакеты с растворами, готовили систему. Времени будет в обрез: артериальное кровотечение не терпит промедления.

— Срезайте крышу, мне нужен полный доступ к голове! — мой голос прозвучал сухо и чётко, перекрывая рёв инструмента. — И подготовьте длинные носилки. На счёт три будем вытягивать.

Спасатели кивнули, не отрываясь от работы. Звук бензореза взвыл снова, отрезая верхний каркас. Металл звенел, осыпался искрами, но я даже не моргнула. Всё моё внимание было приковано к пострадавшему. Он был мужчиной лет тридцати; голова неестественно запрокинута, рот приоткрыт в безмолвном крике.

— Стой! — бросила я, когда один из спасателей попытался дёрнуть дверь слишком резко. — Вы ломаете ему позвоночник. Срезай петли. Осторожнее.

Спасатель, не перечая, опустил инструмент и принялся за петли. Я просунула руку в узкий проём и нащупала пульс на лучевой артерии. Пульс был очень слабым.

Как только доступ был обеспечен — крыша свалилась на асфальт с металлическим скрежетом, — я шагнула внутрь. Скучный свет фонаря спасателей осветил искорёженный салон машины. Теперь были видны оторванные куски плоти, брызги крови, смешанные с бензином. Я не тратила время на шок. Руки работали сами по себе: стетоскоп на грудь — сердце стучало еле слышно, аритмично, будто пыталось выскочить из груди. Зрачки расширены, дыхание редкое, поверхностное. Моментальная оценка: черепно-мозговая травма, внутреннее кровотечение, вероятно, пневмоторакс.

— Влад, готовь систему для переливания, две ампулы адреналина! — коротко бросила я, не отрываясь от пострадавшего. — Кислород на полную!

Пальцы уже нащупывали вену, чтобы поставить катетер. Пот струился по вискам, но я не обращала на него внимания. Каждая секунда здесь — чей-то вдох, чей-то шанс. На мониторе давление падало. Он уходил.

Начала массаж сердца: ритмичные, жёсткие толчки, отсчитывая каждый удар. Лёгкие наполнялись запахом крови и бензина, но я дышала ровно, заставляя его сердце биться.

— Влад, дефибриллятор! Разряд! — мой голос звучал уже не как команда, а как приказ самой жизни.

Я поставила пластины на грудь, чувствуя, как тело дрогнуло от электрического удара. Монитор коротко пискнул — и снова тишина, без пульса, без надежды. Снова массаж, снова разряд.

Я работала, превратившись в единый механизм с оборудованием, с этим умирающим телом, с этим хаосом. Сухие, сосредоточенные глаза следили за цифрами, за пульсом, за зрачками. Я не думала о том, что он может умереть. Я думала только о том, что он должен жить. И не было времени на страх и боль — только чистая, ледяная воля, которая боролась за каждый его вдох.

Влад припарковал реанимационный автомобиль в боксе, и я сразу почувствовала, как навалилась накопившаяся за сутки тяжесть. Двигатель затих, сирена смолкла, и в помещении подстанции стало непривычно тихо — только где-то гудел старый холодильник в комнате отдыха.

Выйдя из машины, я ощутила, как затекают ноги от долгого сидения в узком салоне. Внутри всё было залито едким запахом антисептика и крови, который намертво въелся в одежду и волосы. Первым делом — мойка. Взяв ведро с водой, я тщательно, не спеша отмывала пол в салоне, вычищая каждую щель, куда могла затечь жидкость. Это была рутина, самая неблагодарная часть смены, но именно она возвращала мне чувство порядка.

Сдав смену дежурному врачу и подписав необходимые карты вызовов — сухой перечень манипуляций, время, препараты, — я наконец переоделась. Форменная куртка полетела в стирку, её место заняла обычная ветровка. Долго стояла под горячим душем, пытаюсь смыть с кожи тот металлический привкус, который всегда остаётся после «тяжёлых». Вода была горячей, но я почти её не чувствовала: внутри всё ещё стояла холодная, звенящая пустота, которая неизменно приходила после того, как адреналин отступал.

Выйдя из здания подстанции, я остановилась на крыльце. Утро окончательно вступило в свои права. Город был уже совсем другим — шумным, суетливым, совершенно равнодушным к тому, что происходило на дорогах несколько часов назад. Дворники мели тротуары, где-то вдалеке гудели трамваи.

Я зашагала домой, стараясь не попадаться на глаза тем, кто спешил на свои утренние дела. Ботинки гулко отдавались по асфальту, а в голове не было ни мыслей о том, выживет ли тот мужчина, ни раздумий о будущем. Только одна простая, приземлённая потребность: дойти до своей квартиры, запереть дверь и просто отключиться, чтобы потом через три дня вновь выйти на линию. Это была моя жизнь. Никакого пафоса, никаких крыльев — только долгая дорога до дома, который казался единственным островком тишины в мире, где всё время что-то ломалось, рвалось и нуждалось в починке.

Глава 2

Я проснулась, когда вечерние сумерки уже легли на стёкла, размывая контуры пятиэтажек напротив. После суточного дежурства сон всегда был тяжёлым, душным, похожим на провал в тёмную яму, откуда выбираешься медленно, по частям. В теле ещё оставалась тягучая, свинцовая лень, голова слегка поднывала, но той дикой усталости, от которой утром подкашивались ноги в прихожей, уже не было. Я села на краю кровати, опустив босые ступни на прохладный линолеум. В квартире стояла тишина, нарушаемая лишь привычным глухим урчанием старого холодильника на кухне. Оттуда же, сквозь полуоткрытую дверь, тянуло теплом и запахом жареного лука и картошки — простой, сытной еды, которую отец всегда готовил к моему пробуждению. Накинув старую домашнюю кофту, я медленно пошла по узкому коридору. Из вешалки у двери пахло отцовской рабочей курткой — машинным маслом и металлической стружкой. Этот запах был со мной с детства. Такой же привычный, как его шаги по коридору, как этот тихий вечер. На кухне горел неяркий жёлтый абажур. Отец стоял спиной ко мне у плиты, помешивая картошку на большой чугунной сковороде. Его широкие плечи под поношенной серой футболкой были чуть сутулыми, а на затылке пробивалась густая седина. Он не обернулся, когда я вошла, но по тому, как он чуть притушил огонь под конфоркой, я поняла — услышал.

— Проснулась? — негромко спросил он, накрывая сковороду крышкой.

— Проснулась, пап, — я опустилась на табурет у окна, поджав под себя одну ногу.

Отец молча потянулся к полке, достал мою любимую тяжёлую кружку и бросил туда щепотку заварки. Из носика закопчённого чайника с тихим свистом вырвался пар. Он залил кипятком, аккуратно поставил кружку передо мной и только тогда посмотрел мне в лицо своими спокойными, чуть прищуренными глазами. В его взгляде, как всегда, не было лишних вопросов, но я видела, что он подмечает и серые тени у меня под глазами, и то, как вяло я держу плечи.

— Тяжёлая смена? — спросил он, садясь напротив и пододвигая ко мне тарелку.

— Как обычно, пап. Тяжёлых много было. На перекрёстке ДТП собирали, паренька одного еле довезли.

Я взяла вилку, поворошила горячую картошку, но есть пока не хотелось. Горячий чай приятно обжигал пальцы, медленно возвращая меня в реальность из того сонного оцепенения, в котором я пребывала последние десять часов. Отец молча кивнул. Он никогда не расспрашивал меня о подробностях. За те годы, что я работала в реанимационной бригаде, он научился чувствовать ту границу, за которую мне самой не хотелось заглядывать вне смены. Он просто ел, неторопливо разжёвывая пищу, и его тяжёлые, мозолистые пальцы слесаря, иссечённые мелкими тёмными шрамами от железа, уверенно держали кусок хлеба.

— Ты на себя в зеркало давно смотрела, Кир? — вдруг негромко спросил он, откладывая вилку. — Осунулась вся. Лица нет. Одни глаза остались.

— Нормальное лицо, пап. Отосплюсь за выходные, — я попыталась улыбнуться, но вышло, наверное, не очень убедительно.

— Отоспится она... — отец вздохнул, качнув головой, и покрутил в пальцах вилку. — Тебе уже двадцать семь, дочка.

Я замерла с кружкой у губ. Внутри шевельнулось то самое знакомое, глухое чувство, которое всегда появлялось, когда заходил этот разговор.

— Пап, ну ты опять? — тихо попросила я.

— А кто ещё скажет, если не я? — он посмотрел на меня прямо, и в его глазах была не злость, а какая-то щемящая, отцовская тоска. — Двадцать семь девке. Самый сок. А ты всё по ночам на своей машине летаешь, чужую кровь с рук отмываешь. Свою-то жизнь когда строить

будешь? Мужа бы тебе. Очаг свой. Пока не поздно. Девчата твои одноклассницы вон уже по второму кругу в колясках детей катают, а ты всё на вызовах горишь.

Я опустила взгляд в кружку, где на дне кружились тёмные чайники.

— Знаю, пап. Но как видишь... — я неопределённо повела рукой, показывая на пустую кухню, на свои бледные пальцы.

— Знает она, — отец глухо стукнул ладонью по столу, но не сильно, скорее от бессилия. — А дальше-то что, Кира? Года-то летят. Оглянуться не успеешь, как тридцатник разменяешь. И так и останешься при своей подстанции.

— А дальше — работа и дом, — я тихо вздохнула и посмотрела на него в упор. — Где мне искать кого-то, пап? Мои ровесники по выходным на тусовках да на танцах. А я после суток приползаю и сплю как убитая до вечера. У меня полжизни под сиреной проходит, половина — дома. Кто вместо меня за вами ещё присмотрит? Давай не сейчас, ладно? Пожалуйста.

Отец посмотрел на меня, открыл было рот, чтобы сказать что-то ещё — резкое, наболевшее, — но увидел, как я сжала пальцы на кружке, и промолчал. Только тяжело вздохнул, снова отодвинув тарелку, и пододвинул ко мне еду поближе.

— Ешь давай. Остынет ведь.

Тишину разорвал резкий звук из прихожей — тяжёлый скрежет ключа в замочной скважине, а следом за ним глухой, раскатистый удар входной двери о косяк. Квартира вздрогнула, нарушая наш сонный вечерний покой. По коридору потянул резкий сквозняк, неся с улицы запах мокрого асфальта, прелой листвы и густой осенней сырости. В прихожей зашуршало. Раздался нетерпеливый стук сбрасываемых кроссовок — один из них с глухим стуком отлетел в угол, ударившись о тумбу для обуви. Громко звякнула молния куртки.

— Димка пришёл, — негромко констатировал отец, даже не повернувшись.

Я молча сделала плоток чая, чувствуя, как тепло расплзается по груди. Спорить больше не хотелось, да и тема нашего разговора увяла сама собой, уступив место привычному семейному шуму. Брат вырос на пороге кухни внезапно, будто втянул за собой всю уличную сырость и суету. Ему только весной исполнилось восемнадцать, и он рос как-то скачками, угловато. Сейчас он казался долговязым, с широкими, но ещё по-мальчишески тонкими плечами, на которых мокрая от мелкого дождя ветровка висела мешком. Волосы на макушке смешно топорщились от влаги, а на щеках горел свежий, здоровый румянец. Он даже не поздоровался. Его круглые, колючие глаза сразу впились в чугунную сковороду, стоявшую на плите.

— О, жратва, — выдохнул он, шумно втягивая носом воздух, и тут же сделал шаг к плите, протягивая руку прямо к горячему ободку сковородки, чтобы утащить самый зажаристый кусок картошки.

Отец среагировал мгновенно. Тяжёлое кухонное полотенце с глухим, сочным хлопком опустилось прямо по Димкиным пальцам.

— Ай! Пап, ну ты чего? Я с обеда ничего не ел! — Димка отдёргнул руку, обиженно тряс кистью и округляя глаза.

— Руки, — коротко, как отрубил, бросил отец, даже не глядя на него. — С мылом. Быстро.

Димка недовольно заворчал, шмыгнул носом и поплёлся в ванную. Из коридора донеслось его раздражённое фырканье, а следом — шум бьющей из крана воды и шлепки мокрых ладоней по раковине. Он всегда так делал, когда пытался показать свою независимость, но против отцовского авторитета переть не решался. Я сидела у окна, наблюдая за этой привычной картиной, и чувствовала, как на губах появляется едва заметная улыбка. Димка вернулся на кухню уже без куртки, в растянутой домашней толстовке, усердно вытирая руки кухонным полотенцем. Сел на соседний табурет, шумно придвинув его к столу так, что ножки скрипнули по линолеуму. Только тогда он соизволил заметить меня. Его взгляд сразу стал колючим,

защитным — тем самым, которым он всегда закрывался, когда понимал, что сейчас начнётся опека.

— О, проснулась наконец, — хмыкнул он, бесцеремонно придвигая к себе поближе хлебницу. — Наша Валькирия со Скорой снизошла до простых смертных. А я думал, ты до следующей смены в спячку впала. Реаниматор всея Руси. Весь день тишина в квартире была, даже вздохнуть боялся.

Я медленно опустила кружку на стол. Мой взгляд скользнул по его взъерошенным волосам, по грязному пятну на рукаве толстовки, которое он безуспешно пытался спрятать под стол.

— Я спала, Дим, потому что у меня за сутки было три тяжёлых вызова, из которых один — клиническая смерть, — спокойно, без тени раздражения ответила я. В моём голосе звучала та самая ровная, профессиональная прохлада, которая обычно бесила его сильнее любого крика.

— А куртку свою мокрую ты, конечно, прямо на обои повесил? Она там на комод натечёт. Иди, выжми и перевесь на вешалку.

Димка мгновенно напрягся, его плечи пошли вверх. Ему невыносимо хотелось казаться взрослым, хозяином положения, а тут его снова тыкали носом в мелочи, как маленького.

— Да ничего там не натечёт! — огрызнулся он, дёрнув подбородком. — Сама высохнет. Тоже мне, командир нашёлся. Хватит мне указывать, Кира. Надоело. Из Скорой своей уходишь, а дома всё равно командовать тянет.

— Я не командую, Дим, я просто не хочу завтра вытирать лужу в прихожей, — я сделала ещё один глоток, глядя на него в упор. — И лицо умой нормально. У тебя у уха мазут какой-то. Опять у пацанов в гараже торчал вместо учёбы?

Парень густо покраснел, его пальцы судорожно сжали вилку. Он открыл рот, чтобы выдать какую-то очередную колкость, доказать свою независимость, но отец молча поставил перед ним полную тарелку с картошкой. Тарелка опустилась на стол с тяжёлым, весомым стуком. Отец не сказал ни слова. Он просто посмотрел на Димку сверху вниз — спокойно, тяжело, с тем самым слесарным прищуром, который мгновенно гасил любые подростковые бунты. Димка сглотнул, притих и опустил глаза в тарелку.

— Ешь, — коротко бросил отец, садясь на своё место.

На кухне снова повисла тишина, но теперь она была другой — плотной, наполненной звуками торопливого стука вилок о керамику и шумным Димкиным дыханием. Он ел жадно, быстро, словно за ним кто-то гнался, а я просто сидела рядом, согревая ладони о тёплую кружку, и смотрела, как за окном медленно зажигаются редкие жёлтые окна соседнего дома. Я сделала ещё один глоток остывающего чая. Пар над кружкой лениво поднимался к жёлтому абажуру. Тепло кухни усыпляло, размывая резкие контуры тяжёлых суток, проведённых на колёсах. Отец аккуратно отложил вилку на край тарелки. Металл звякнул, и этот звук прозвучал как-то слишком резко, заставив меня вздрогнуть. Он положил свои тяжёлые ладони на стол, переплетя пальцы со шрамами от слесарного инструмента, и посмотрел не на меня и не на Димку, а куда-то в сторону тёмного окна.

— Димку в армию призывают, — негромко, ровным и глухим голосом произнёс он.

Моя рука замерла на полпути к столу. С края кружки сорвалась капля чая, упала на клеёнку и расплылась тёмным пятном. На мгновение мне показалось, что я ослышалась — мозг, уставший от бесконечных вызовов, просто выдал ложный сигнал. Но Димка вдруг перестал жевать. Он замер, уставившись в свою тарелку, и его кадык судорожно дёрнулся, когда он с трудом проглотил недожёванный кусок. Я медленно поставила кружку, стараясь не пролить ни капли, и повернула голову к брату.

— Когда? — мой голос прозвучал тише, чем хотелось бы, но в нём уже не было той ослабленной домашней мягкости. Включился тот самый рабочий тон, который я использовала на выездах, когда нужно было быстро прояснить ситуацию.

Димка не сразу поднял глаза. Он поёрзал на табурете, шумно вздохнул и только потом посмотрел на меня — упрямо, с вызовом, но в глубине его зрачков я успела поймать мимолётную, чисто детскую растерянность.

— Завтра, — буркнул он, дёрнув плечом. — С вокзала все друзья провожают. В девять утра сбор.

— У тебя же учёба, Дим, — я подалась вперёд, упираясь ладонями в край стола. Мои пальцы невольно сжались в кулаки. — Отсрочка. Ты мне сам говорил, что всё закрыл, что декан подписал бумаги.

— Да надоело мне штаны там протирать, — он со стуком отложил вилку, и его голос сорвался на колючие, резкие ноты. — Ну доучусь я, и что? Буду бумажки в офисе перекладывать за гроши? После приду и доучусь. Сразу на заочный переведусь. Все пацаны со двора идут, и Сашка, и Колян. А я что, прятаться за твоей юбкой должен?

— При чём здесь моя юбка? — я почувствовала, как внутри начинает закипать глущая, тяжёлая злость, смешанная с холодным страхом. — Тебе восемнадцать только стукнуло. Только учиться пошёл. Какая армия, Дим? Ты розетку дома починить не можешь без отца!

— Научусь! — выкрикнул он, резко поднимаясь со своего места. — Там всему учат. Я сам так решил, Кира! Слышишь? Сам. Хватит меня опекать. Я не маленький.

Он стоял у стола — долговязый, угловатый, с тонкими запястьями, торчащими из широких рукавов толстовки. На его шее, ещё совсем детской и тонкой, пульсировала жилка. Он отчаянно пытался казаться сильным и взрослым, но я видела, как дрожат его пальцы, когда он упирался ими в столешницу. Я повернулась к отцу. Он сидел неподвижно, глядя на свои руки. На его лице не отражалось ничего — только глубокие морщины у рта казались ещё темнее под жёлтым светом лампы.

— Пап, а ты почему молчишь? — мой голос сорвался. — Ты же знал?

Отец тяжело вздохнул, медленно поднял голову и посмотрел на меня своим спокойным, усталым взглядом.

— Знал, Кир. Два дня назад узнал. Он повестку принёс, сам в военкомат ходил, без меня. Что я ему скажу? Мужик растёт. Его решение. Мой отец служил, я служил. И он пойдёт. Так надо, дочка.

Я смотрела на них двоих и понимала, что стена, которая всегда защищала наш маленький мир от внешнего хаоса, вдруг дала трещину. Мой младший брат, которого я забирала из детского сада, которому бинтовала разбитые колени и вытирала нос, завтра уходит туда, где меня не будет рядом. Где я не смогу прикрыть его своей реанимационной укладкой, не смогу скомандовать «назад» и не смогу зажать его рану своими пальцами. Тишина на кухне стала невыносимой, звенящей. Было слышно, как на улице мелкий дождь шуршит по карнизу, и как тяжело, прерывисто дышит Димка, стоя у стола. Он первый не выдержал этого молчания. Снова поёрзал, шмыгнул носом и вдруг как-то криво, по-прежнему задиристо улыбнулся, глядя на меня сверху вниз.

— Да ладно тебе, Кир, — его голос стал тише, колючесть ушла, уступив место привычной подростковой иронии. — Не надо так смотреть, будто меня на плаху ведут. Зато целый год в прихожей будет абсолютно сухо. Никто твои любимые обои мокрой курткой портить не будет, и обувь пинать в угол некому. Радоваться должна. Отдохнёшь от меня.

Эта его глупая, мальчишеская шутка ударила прямо под дых. Я почувствовала, как горло перехватило спазмом, но стальная привычка держать лицо, выработанная за годы на Скорой, сработала и здесь. Я с трудом сглотнула комок и тихо, горько усмехнулась, качнув головой.

— Дурак ты, Димка, — тихо сказала я, глядя на его взъерошенную макушку. — Какой же ты дурак.

Отец молча потянулся к хлебнице, отломил ещё один кусок и положил на край тарелки сына.

— Садись, — негромко произнёс он, кивнув на табурет. — Доедай. Завтра рано вставать.

Глава 3

Раннее утро встретило нас пронзительной, омытой ночным дождём прохладой. Небо над путями было чистым, блекло-серым, без единого облачка, и только у самого горизонта, над крышами пакгаузов, проступала тонкая полоска холодного лимонного рассвета. Вчерашний ливень оставил после себя глубокие лужи на разбитом асфальте привокзальной площади. В них дрожали отражения фонарей — нелепые, как дешёвые стекляшки. Я отметила это краем сознания, будто мозг специально цеплялся за пустяки, чтобы не думать о главном. А думать не хотелось. Совсем. В воздухе пахло мокрым бетоном, сырым тополевым листом и резким, тяжёлым дымом маневровых тепловозов, доносившимся со стороны дальних путей. Мы шли молча. Димка тащил на одном плече новый, недорогой рюкзак из жёсткого брезента. Он купил его сам три дня назад — я только вчера вечером заметила его на вешалке и молча кивнула. Значит, Димка уже внутренне был готов к этому шагу, просто не хотел говорить, чтобы не портить всем нервы. Куртка его была застёгнута до самого подбородка, капюшон опущен, а руки он глубоко засунул в карманы. Он старался шагать широко, в ногу с отцом, сильно топая по мокрым плитам перрона, словно пытался доказать самому себе, что твёрдо стоит на ногах. Отец шёл чуть прихрамывая, его старые рабочие ботинки оставляли на мокром асфальте тёмные, влажные следы. Он нёс в руке небольшой целлофановый пакет с нехитрой едой в дорогу — пирожками, завернутыми в промасленную пергаментную бумагу, и парой варёных яиц. Я машинально поправила воротник Димкиной куртки, хотя он и не сбился. Мне нужно было к чему-то прикоснуться, чтобы не рассыпаться в этом шуме. У здания вокзала уже клубилась пёстрая, шумная толпа. Сюда со всех концов города съезжались такие же пацаны. Кто-то громко хохотал в кругу друзей, пытаясь казаться храбрецом, кто-то уныло стоял в сторонке, прижавшись спиной к холодной стене и слушая, как негромко всхлипывает мать, уткнувшись ему в плечо. Откуда-то из хрипящих динамиков старенького телефона доносилась резкая, бьющая по ушам музыка. Толпа вокруг гудела, как чужой, ненастоящий мир — будто я смотрела на всё сквозь мутное стекло. Мы остановились у края платформы, чуть в стороне от основного шума, под ржавым навесом старого багажного отделения. Здесь лужи были глубже, в них плавали опавшие, потемневшие листья берёз. Я наклонилась, подняла с мокрого асфальта скомканный билет — наверное, кто-то уронил. Пальцы на секунду замерли на шершавой бумаге, а потом я просто сунула его в карман. Не потому что он был нужен, а чтобы руки были заняты.

— Подтяни лямку-то на рюкзаке, — негромко сказал отец, кивнув на Димкино плечо. — Болтается же. Всю дорогу плечо резать будет.

Димка молча перехватил ремень, подтянул его с резким, сухим треском пластиковой пряжки и снова убрал руку в карман. Он смотрел на рельсы, где медленно, с тяжёлым металлическим лязгом маневрировал одиночный локомотив. В этот момент из толпы провожающих, огибая кучу каких-то ящиков, к нам вышел плотный мужчина в замасленной спецовке депо и потрёпанной кепке. На его лице, густо покрытом сеткой мелких морщин, появилась широкая, но не весёлая улыбка — такая, с которой провожают в дальний путь. Он тяжело хлопнул отца по плечу, отчего тот слегка качнулся.

— Здоров, Петруха! — раскатисто басом выкрикнул мужчина, протягивая отцу широкую, тёмную от мазута ладонь. — Какими судьбами на вокзале с утра пораньше? Как жизнь?

Отец перехватил пакет с продуктами в левую руку и крепко, по-мужски пожал протянутую ладонь. Его лицо на секунду разгладилось, в уголках глаз собрались привычные морщинки.

— Здорово, Савельич, — тихо ответил отец. — Да вот... Сына в армию провожаю.

Савельич перевёл взгляд на Димку, прищурился, оценивая его долговязую фигуру и новый брезентовый рюкзак, а затем понимающе кивнул.

— О как... Вырос, значит, парень. Помню его ещё вот таким, под стол пешком ходил, когда ты его на завод приводил. Быстро время летит, Петруха. Ну, дело хорошее, мужское. Куда распределили-то, знаешь?

— Да пока в учебку, под Самару, — отец пожал плечами. — А там видно будет. Куда распределяют, туда и поедет.

— Самара — место нормальное, у меня там племянник служил, — Савельич похлопал Димку по плечу, отчего тот смущённо шмыгнул носом и чуть отступил назад. — Главное, парень, старших слушай и дурью не майся. Отец у тебя славный мужик, не подведи его там.

— Не подведу, — буркнул Димка, уставившись на свои носки.

Савельич ещё раз пожал отцу руку, пожелал удачи и побрёл в сторону путей, тяжело переваливаясь с ноги на ногу. Отец проводил его взглядом, а потом снова повернулся к Димке. Ветер с путей принёс резкий запах креозота и мокрого железа. Рассвет разгорался всё ярче, и на сером бетоне перрона начали проступать длинные, бледные тени от наших фигур.

— Призывники! У первого пути, в три шеренги — стройся! — резкий, усиленный жестяным раструбом мегафона голос офицера в камуфляжной куртке прорезал привокальный гомон.

Толпа на перроне мгновенно качнулась, словно от сильного порыва ветра. Музыка из чьего-то телефона оборвалась на полуслове, девичьи всхлипы превратились в один общий, глухой гул, а пацаны с брезентовыми рюкзаками начали торопливо пробиваться сквозь толпу провожающих, стягиваясь к широкой жёлтой черте у края путей. Димка вздрогнул. Его лицо, ещё секунду назад казавшееся спокойным и безразличным, побелело в одно мгновение. Он посмотрел на меня, и в его широко раскрытых глазах я увидела не задиристого восемнадцатилетнего парня, который вчера кричал на кухне о своей взрослости, а напуганного ребёнка, который вдруг понял, что пути назад нет. Всё его упрямство осыпалось, как сухая штукатурка.

— Кир... — тихо, совсем по-детски позвал он.

Он сделал шаг ко мне, и в следующую секунду Димка просто ткнулся мне в плечо, стиснув меня своими длинными руками с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Он уткнулся носом в воротник моей куртки, и я почувствовала, какой холодный у него кончик носа и как пахнет от его волос — нашим домашним мылом и свежим уличным дождём. Это объятие длилось всего миг, одно короткое мгновение, но в него уместилось всё: и его страх, и его беззвучная просьба о прощении за вчерашние слова, и тоска по дому, которую он теперь уносил с собой. Я крепко прижала его к себе, чувствуя под ладонями его тонкие лопатки, и успела лишь шепнуть ему в самое ухо:

— Береги себя. Слышишь? Просто береги себя.

Он резко отстранился, словно испугавшись собственной слабости, и повернулся к отцу. Отец сделал один шаг навстречу. Прощание мужчин было сухим и коротким. Они не говорили слов — да они и не были нужны. Отец просто прижал Димку к себе, его огромная, мозолистая ладонь тяжело и глухо дважды хлопнула сына по спине, заставив брезентовый рюкзак заскрипеть ремнями.

— Давай, сын, — негромко сказал отец, и его голос даже не дрогнул, хоть я и видела, как плотно сжались его губы. — Будь человеком. Пиши.

Димка кивнул, резко развернулся и побежал к строящейся шеренге. Его тяжёлые кроссовки звучно шлёпали по лужам, разбрызгивая грязную воду по мокрому асфальту перрона. Его брезентовый рюкзак подпрыгивал на худой спине, делая его фигуру ещё более нескладной и незащитной. И от этой незащитности у меня внутри всё сжималось, потому что я никак не могла её убрать. Он успел в самый последний момент, когда шеренга уже почти замерла под тактом команд офицера. Димка пристроился с самого края, встав последним в неровном ряду. Он выпрямил спину, закинул голову вверх, пытаясь казаться выше и сильнее, но его ветровка, промокшая под вчерашним дождём, сиротливо обвисла на плечах. Он не смотрел в нашу сто-

рону — глядел строго перед собой, на серую стену вокзала, но я видела, как часто и тяжело вздымается его грудь под дешёвой тканью куртки. Прохладный ветер с путей шевельнул подол моей ветровки, принося с собой запах мокрого железа и угольной гари. Начинался новый день, и на влажных плитах перрона наши с отцом тени казались теперь совсем одинокими без третьей, долговязой тени, которая только что стояла рядом с нами.

— По вагонам! — разнеслось над путями, и толпа на перроне окончательно пришла в движение.

Пацаны потянулись к открытым дверям тамбуров, толкаясь рюкзаками и неуклюже цепляясь за поручни. Димка поднялся по железным ступеням одним из последних, ни разу не обернувшись. Его брезентовый рюкзак мелькнул в проёме двери и исчез в полумраке вагона. Мы с отцом остались стоять у края платформы, почти вплотную к серому боку состава. Через минуту в одном из окон показалось Димкино лицо. Стекло старого вагона было мутным, покрытым изнутри густой влагой от дыхания десятков парней, забивших купе. Димка прижал ладонь к стеклу, с усилием протёр небольшой кружок и прильнул к нему лицом. Он смотрел на нас широко раскрытыми, непривычно круглыми глазами, и его бледность за грязным двойным стеклом казалась почти пугающей. Раздался тяжёлый, металлический удар сцепки, прокатившийся по всему составу от головы поезда. Состав вздрогнул. Из-под колёс с яростным шипением вырвалась струя сжатого воздуха, обдав наши ноги холодным паром, и состав медленно, едва заметно дёрнулся вперёд. Пацаны в открытых форточках замахали руками, закричали что-то невнятное, заглушаемое нарастающим стуком колёс. Я не смогла просто стоять. Когда Димкино окно медленно поплыло мимо, я сделала первый шаг, потом другой, не отводя взгляда от его бледного лица. Поезд уходил неторопливо, словно нехотя, и я пошла вровень с его вагоном, обходя лужи на разбитом асфальте. Состав ускорялся. Я прибавила шаг, перешла на быстрый, неровный бег, лавируя между другими провожающими, которые уже останавливались и махали вслед уходящему поезду. Димка прижал свою плоскую ладонь к стеклу изнутри. Я на бегу подняла руку, последний раз помахав ему ладошкой. Расстояние между нами начало увеличиваться, поезд набирал ход. Колёса стучали всё быстрее, тяжёлый состав обдал меня резкой волной холодного ветра, пахнувшего углём, горелым железом и креозотом. Асфальт под ногами закончился, уступив место крупной, грязной щебёнке насыпи. Я остановилась на самом краю платформы, тяжело дыша. Лёгкие обжигало холодным воздухом. Серый хвост поезда быстро удалялся, качаясь на рельсах, пока маленький красный огонёк на его торце не превратился в крошечную точку и окончательно не растаял в утренней серой дымке путей. Перрон опустел мгновенно, словно из него выпустили воздух. На влажных плитах остались лишь раздавленные пластиковые стаканчики, обрывки упаковочной бумаги и грязные лужи, в которых больше никто не отражался. Отец молча подошёл сзади, его тяжёлая, тёплая ладонь легла мне на плечо. Он не сказал ни слова, только слегка сжал пальцы, и эта простая мужская поддержка вернула меня в реальность. Мы развернулись и пошли к выходу. На привокзальной площади нас встретил ревущий, плотный поток девятичасового города. Час пик был в самом разгаре. Из стеклянных дверей станции метро бесконечной, серой стеной валили люди, на ходу пряча лица в воротники и уткнувшись в экраны телефонов. Гудели клаксоны застрявших в пробке автобусов, шумели шины сотен машин, разбивая колёсами уличные лужи. Город нёсся на полной скорости, равнодушный, спешащий по своим мелким делам, и мы с отцом шли против этого течения, протискиваясь сквозь толпу плечом к плечу, чувствуя себя абсолютно чужими в этом чужом, деловом шуме. Домой мы шли молча. Когда ключ повернулся в замке, квартиры встретила нас глухой, неестественной тишиной. Мы переступили порог, и эта тишина буквально ударила по ушам после уличного гула. В прихожей было непривычно просторно. Я разулась и невольно посмотрела на резиновый коврик у двери — на нём не было Димкиных огромных, вечно грязных кроссовок, которые он швырял как попало, перегораживая весь проход. На вешалке не висела его мешковатая ветровка, и от этой пустоты в коридоре казалось

холоднее, чем было на самом деле. Я прошла на кухню. Там всё оставалось точно таким же, как вчера вечером. На столе, прямо под жёлтым абажуром, стояла Димкина немытая тарелка с присохшими остатками картошки и вилка, брошенная наискосок на клеёнку. Ещё вчера этот его вечный беспорядок заставил бы меня разозлиться, я бы обязательно высказала ему всё, что думаю о его лени. А сейчас я смотрела на эту грязную тарелку, и в горле стоял сухой, колючий комок. Отец вошёл следом, тяжело опустился на табурет у плиты. Он долго смотрел на стол, затем медленно поднялся, взял тарелку и вилку сына и подошёл к раковине. Открыл кран, и тихий, монотонный шум воды заполнил кухню. Отец молча, очень аккуратно тёр тарелку жёсткой губкой, смывая остатки вчерашнего ужина, и в его медленных, сосредоточенных движениях было столько скрытой, невысказанной боли, что я не выдержала — отвернулась к окну. За стеклом всё так же шумели машины, и блеклое осеннее солнце освещало пустые качели на детской площадке во дворе. Начался первый день его службы.

Глава 4

Лобовое стекло машины, которое ещё десять минут назад было чистым, сейчас затягивало пеленой серой, липкой жижи. Мокрый снег летел навстречу сплошным потоком, мгновенно превращаясь на нагретом стекле в густую кашу. Щётки дворников работали с натужным, прерывистым скрипом, едва успевая освобождать узкий сектор обзора. Я застегнула куртку до самого верха, чувствуя, как молния царапает горло. Мне нужно было, чтобы было тесно, чтобы было жёстко, чтобы эта форма держала меня, когда внутри всё дрожало. Димка ушёл, а город не остановился. Город горел. Влад, сидевший за рулём, подался вперёд, вжимаясь почти в самый руль, и его лицо, освещённое лишь приборной панелью, было напряжено. Вся его фигура была собрана — он чувствовал каждое движение тяжёлой машины, ловил её на каждом стыке, на каждом обледеневшем участке дороги. Он не стал резко дёргать руль. Чуть сбросил скорость, давая машине почувствовать дорогу, и только потом, когда мы вошли в поворот, держал газ ровно, чтобы нас не понесло. Мы неслись по пустому городу, разрезая ночную тишину пронзительным воем сирены, которая отскакивала от глухих стен домов, создавая вокруг нас вибрирующий кокон из звука. В салоне стоял гул печки, работавшей на пределе, чтобы стекло не затянуло изнутри. Я сидела в кабине на пассажирском месте, вцепившись в край приборной панели, и смотрела, как впереди, над самой чертой горизонта, разрастается неестественное, пугающее марево. Оно не было похоже на обычное освещение — небо над городом стало багровым, тяжёлым, словно пропитанным густой кровью, и облака, низко висевшие над крышами, подсвечивались изнутри неровным, дёргающимся светом. Снежные хлопья, попадая в этот отсвет, на миг становились похожи на летящие искры. Рация на панели щёлкнула, и в ухо ворвался сухой, деловой голос диспетчера:

— Всем постам: периметр держать, гражданских внутрь не допускать. Штаб на связи.

А потом, сквозь треск, прорвался другой голос, тяжёлый и уставший:

— Штаб, это восьмой. Мы вскрываем цокольный этаж, там заперты люди. Нужна реанимация у северного выхода.

Я подалась вперёд, вслушиваясь в эти короткие, рубленые команды. Они складывались в картину быстрее любых объяснений.

— Центральный, это одиннадцатый экипаж! — голос патрульного прорывался сквозь треск. — На перекрёстке перед «Атриумом» полный затор, люди побросали машины прямо в полосах, бегут пешком! Проехать невозможно, пожарные расчёты идут через газоны и бордюры!

— Одиннадцатый, принял, — отозвался диспетчер, чей голос оставался пугающе ровным. — Всем постам, внимание! «Атриум» — третий номер вызова. Очаг на третьем этаже, кинотеатр, сильное задымление. Купол обрушится!

Я видела, как Влад, услышав про «Атриум», молча переложил руки на руле, готовясь к манёвру. Он знал, что проспект сейчас заблокирован, и уже перестраивался в крайний правый ряд, готовясь уйти на параллельную улицу, которая была уже и опаснее. Прямо передо мной полыхал ТЦ «Атриум». Огромное здание из стекла и бетона превратилось в колоссальную, ревущую топку, и мы летели прямо в самое его сердце. Я толкнула тяжёлую пассажирскую дверь и шагнула на подножку, а затем — прямо в ледяную жижу, залившую асфальт. Дверь захлопнулась за моей спиной с глухим металлическим стуком, и в ту же секунду весь привычный мир, ограниченный кабиной нашего реанимобиля, перестал существовать. Меня буквально обдало волной удушливого, едкого тепла. Воздух здесь был совсем другим — он пах гарью, горелой проводкой, плавленым пластиком и тем самым тяжёлым, химическим дымом, от которого мгновенно начинает першить в горле и слезиться глаза. Мокрый снег, падавший с неба крупными хлопьями, таял на моём лице, не успевая коснуться кожи, превращаясь в

тёплые, грязные потёки. Из выбитых оконных проёмов второго и третьего этажей вырывались яростные, рваные языки пламени, уходящие высоко вверх, к низкому, багряному небу. Время от времени сквозь гул огня доносился пронзительный, хрустальный звон — это лопались от температуры гигантские стеклопакеты фасадного остекления, и тонны острых осколков с шорохом и грохотом сыпались вниз, на мокрый асфальт. Вокруг стоял непрерывный, оглушительный рёв. Гудели мощные насосы пожарных машин, шипела вода, бьющая из десятков брандспойтов по раскалённым стенам, превращаясь в густые клубы белого пара, который смешивался с чёрным дымом. Сирены прибывающих спецмашин были на разные голоса, перебивая друг друга. Вся площадь перед ТЦ была залита пульсирующим, тревожным светом — синие вспышки наших Скорых смешивались с багровыми отблесками пожарных маяков и жёлтыми огнями эвакуаторов, которые с визгом протектора и скрежетом железа вытаскивали припаркованные у входа легковушки, освобождая дорогу для тяжёлой техники. Чуть левее, у бокового фасада, выстроилась плотная цепь ОМОНа и полиции. Они стояли плечом к плечу, удерживая огромную, обезумевшую от страха и отчаяния толпу. Люди напирали на железные ограждения, кричали, плакали, пытались прорваться сквозь кордон к полыхающим дверям, где в дыму виднелись фигуры спасателей в тяжёлых дыхательных аппаратах.

— Назад! Отойдите от ограждения! — хрипел динамик мегафона в руках молодого лейтенанта, чьё лицо было серым от усталости и копоти. — Дайте работать спасателям! Не мешайте!

Кто-то из толпы вырвался, мужчина в расстёгнутой куртке попытался пробежать мимо оцепления, но его жёстко, профессионально перехватили трое полицейских, повалив на мокрый снег. Он не дрался — он просто выль, пытаясь вырваться к дверям, и этот вой перекрывал даже гул пожарных насосов. Чуть левее, у бокового фасада, в плотном кольце охраны стоял губернатор. На нём не было каски, но рядом, на раскладном столике, горели экраны ноутбуков, и к нему то и дело подходили люди в форме, что-то коротко докладывая. Его лицо, испачканное сажей, казалось постаревшим на десяток лет. Он не кричал в рупор — он просто слушал, кивал и снова смотрел на пылающее здание, будто пытаясь удержать его взглядом. Я пошла вперёд по раскисшей снежной каше. Ноги скользили, но я держала равновесие, заставляя себя двигаться размеренно. В этот момент мой мозг переключился в условия ЧС, автоматически отсекая лишний шум. Я перестала слушать крики толпы и всматриваться в пламя. Мой взгляд фиксировал только тактические детали: где стоят другие бригады, где разворачивают палатку штаба медицины катастроф, где проложена безопасная зона, куда не долетят осколки стеклянного купола. Я шла мимо развёрнутых рукавов пожарных машин, по которым, пульсируя, шла вода под огромным давлением. Спасатели в тяжёлой, обгоревшей экипировке вытаскивали из задымлённого проёма боковой галереи кого-то, завернутого в брезент. Я ускорила шаг, направляясь к южной стороне здания, где уже выстроились в ряд наши машины и где горели яркие прожектора развёрнутого штаба. Наш путь лежал к южному фасаду — туда, где, по сообщению штаба, уже разворачивали медицинский сортировочный пункт. Пробираясь приходилось сквозь настоящие завалы: пожарные рукава, толстые, как змеи, извивались по асфальту, перекрывая проход, всюду валялись куски обгоревшего пластика и разбитого стекла. Я слышала, как под ногами хрустит мокрый щебень, смешанный с талым снегом. Рация на моём плече беспрерывно хрипела, голоса накладывались друг на друга, сливаясь в один неразборчивый гул. Я улавливала лишь обрывки фраз: «...подача воды... кровля... шестой этаж... вынос пошёл...». Это был язык борьбы за жизнь, который я понимала без переводчика. Южный фасад здания встретил нас чуть меньшим жаром, но дыма здесь было не меньше. На относительно безопасной дистанции от рушащегося купола уже стояли несколько реанимобилей. Их задние двери были распахнуты, внутри горел свет, и медики в защитных масках склонялись над каталками, работая с первыми, вынесенными из огня, пострадавшими. Рядом с ними разворачивалась большая палатка МЧС, подсвеченная мощными прожекторами, её белые стены уже были

покрыты пятнами сажи и брызгами грязной воды. Здесь кипела своя, тихая, но от этого не менее страшная, работа. Я двинулась к одной из машин, где горели самые яркие прожектора. Влад, припарковав машину, шёл чуть позади, его дыхание было ровным, а взгляд — таким же сосредоточенным, как и мой. Мы прошли мимо вереницы пожарных, которые, насквозь прокопчённые, с мокрыми от пота лицами, меняли пустые баллоны с воздухом на полные. Один из них, молодой парень с чёрным от сажи лицом, сидел прямо на асфальте, тяжело дыша, и его руки заметно дрожали, когда он пытался открутить вентиль баллона.

— Валькирия! Сюда! — раздался резкий, хриплый голос из темноты.

Я повернула голову. Метрах в десяти от меня, прямо у одного из боковых выходов из здания, стоял старший фельдшер смены. Его куртка была расстёгнута, а на лице, покрытом густым слоем сажи, выделялись белые прогалины от слёз или пота. Он указывал мне на открытый дверной проём, из которого валил густой, чёрный дым.

— Пошли, Влад, — бросила я, ускоряя шаг.

Мы оставили свои укладки рядом с машиной и двинулись к этому выходу. Земля здесь была горячей, подошвы ботинок чувствовали жар, и воздух обжигал лёгкие. Из чёрного зева проёма показались две фигуры в тяжёлых дыхательных аппаратах. Они выходили медленно, неся на руках носилки, на которых лежал человек, завернутый в пожарное покрывало. Спасатели шагали тяжело, их силуэты были огромными и расплывчатыми в клубах дыма, которые вырывались из здания вслед за ними. Я видела, как один из них оступился, и носилки опасно накренились. Я сделала один быстрый шаг вперёд, вставая прямо перед ними. Моя укладка уже была раскрыта на земле. Я натянула вторую перчатку, и латекс с сухим, резким щелчком облепил пальцы.

— Влад! — мой голос прозвучал коротко, как команда. — Держи их, я возьму голову.

Влад уже был рядом, его широкие плечи маячили за моей спиной. Он быстро подхватил одни носилки, готовясь принять вес. Спасатели в масках, увидев нас, с облегчением выдохнули, но не произнесли ни слова, лишь перехватили носилки поудобнее, готовясь передать свой ценный груз нам. Я склонилась над человеком, ещё завернутым в брезент, и мои глаза моментально начали считывать то, что было видно: он не дышал. Грудная клетка не двигалась, кожа была пепельно-серой, а под тканью угадывались ожоги. Это был не человек — это был мешок с травмами, который нужно было вытащить из огня и заставить снова жить.

Глава 5

Спасатели поднесли носилки прямо к открытой двери реанимобиля, и в тот момент, когда они вытолкнули свёрток на металлической раме, воздух в салоне как будто провалился вниз — остался только хрипящий, резкий выдох, который не прозвучал в ответ. В проходе стоял запах гари, острый и липкий; на лицо падали капли мокрого снега; в отражении кабины мелькнули чужие силуэты пожарных, как тени за стеклом. Я нагнулась, сорвала брезент, и передо мной появилось лицо, стёртое сажей. Губы были синими, глаза закрыты. Вокруг рта и на щеках лежала густая серая вуаль копоти, а в носовых ходах темнели её плотные комки. Он был молод. Тонкая вена на запястье почему-то не блестела, пульса почти не было. Влад уже стоял рядом с моей головой, держал наготове кислородный баллон и мешок Амбу. Его движения были быстры, без суеты, как у человека, который много раз видел одно и то же и знает, что от скорости зависит сейчас всё. Я не стала поднимать голову, не произнесла лишнего — мы работали молча, как всегда. Руки знали порядок действий лучше, чем язык мог сформулировать его. Первым делом — доступ и дыхательные пути. Спасатели сняли с него сажистую маску очага, и я сразу включила аспиратор. Катетер коротко захлебнулся в горле, и из него вырвалась мутная смесь слизи и копоти. Я держала голову, попросила Влада светом осветить рот, и через секунду кривая картинка — обугленные дёсны, смятые губы, куски оплавленной ткани — стала меньше препятствием. Ларингоскоп холодно врезался в ладонь, и я стала искать ориентиры, зная, что видимость почти отсутствует: не видно белых перлистых голосовых складок, там была лишь чернота. Я продвинула аспирационный катетер глубже, очищая ротоглотку и корень языка. Подышала — и снова в бой. Интубация в таких условиях — всегда работа вслепую. Я взяла трубку, вставила ларингоскоп, попыталась увидеть хоть что-то, но свет отражался от копоти и не давал никакой картины. Тогда я пошла по ориентирам: угол нижней челюсти, щитовидный хрящ, лёгкое сопротивление. Трубка с мягким шелестом прошла дальше. Я нащупала, подтолкнула, и в тот момент, когда кончик трубки коснулся трахеи, почувствовала знакомое, едва уловимое «проваливание». Влад подал баллон — я дала первый вдох. Мешок Амбу хлопнул, и воздух — с запахом влажного дыма и сажи — ударил мне в лицо. Я услышала слабый, но отчётливый хрип — признак того, что трубка стоит там, где надо, но вентиляция ещё далеко не эффективна. Подтвердить правильность положения помог капнометр — он запищал слабой кривой, затем почти сразу опустился, но присутствие углекислого газа в выдохе было знаком того, что воздух действительно вошёл в трахею, а не в пищевод. Я накинула манжету на трубку, застегнула, закрепила её, и только после этого переключилась на венозный доступ. Вены уже были повреждены ожогами и шоком: они не проступали, кожа в местах пункции была липкой. Я попробовала периферический доступ, но вена «бегала» и проскальзывала. Тогда, следуя протоколу, я перешла к внутрикостному доступу — время шло, и каждая секунда была на счету. Шприц, сверкающий, холодный, вход — и вот уже катетер в кости бедра. Я подключила быстростъёмный контур, дала первую линию препаратов, подключила к инфузии солевые растворы, старые проверенные плазмозамещающие. Всё это звучало и шипело в салоне как ритм работы сердца — помпа, отсос, клапан, капля, — и я ощущала его как метроном, по которому измерялась жизнь. Монитор пищал рвано. Линия не была идеально плоской, она мелко дрожала от помех и мышечных артефактов, но характер ритма был однозначен — асистолия. Я не стала терять время на сердечные графики, знала алгоритм наизусть. Непрямой массаж был тяжёлым. Я встала, поставила одно колено на пол салона для устойчивости, положила ладони на его грудину и ушла в ритм — сто толчков в минуту, глубина, которую знает каждая моя мышца, с жёстким возвращением веса при каждом отпускании. Руки болели через минуту, но это было не про боль. Руки работали как механика, как инструмент, и в этой автоматизации не было места для страха. Влад стоял у задней двери, держал мешок

Амбу в одной руке, другой поддерживал монитор, слушая, как меняется звук выдоха. Его лицо было соткано из усталости и концентрации: он ждал команды, он был готов действовать на пределе. Я ввела адреналин, резко и точно. Это было действие, рассчитанное на мгновенную реакцию — раствор ушёл под напором, и мы продолжили кардиопульмональную реанимацию. Руки работали, монитор писал и стирал ритмы. В какой-то момент сердечная линия дрогнула: тонкий сигнал, как слабая нота в синтезаторе. Я не позволила себе улыбнуться — это было преждевременно, — зато стала давить ещё жёстче и точнее, считывая каждую мелочь. Через несколько циклов, при постоянной компрессии и вентиляции, при условии обеспеченного воздуха в лёгкие, сердце начало искать ритм. Монитор дал маленькую, слабую дугу, потом за ней пошла серия коротких, но отчётливых пиков. Пульс — тонкий, но есть.

— Ритм есть! — выдохнула я, и это было ровно то, что Влад ему и отдал: полная скорость, максимальная концентрация. — Готовься, Влад! Везём прямо, без остановок.

Тяжёлая дверь захлопнулась, и резкий уличный рёв мгновенно оборвался. В салоне осталось только мерное, шипящее дыхание аппарата ИВЛ и ровный, монотонный писк пульсоксиметра у изголовья каталки. Машина тронулась. Я почувствовала это по лёгкому, плавному натяжению подвески — Влад повёл реанимобиль так мягко, что капельница на штативе едва качнулась. Он вёл тяжелогружённый «Форд» на скорости, но шёл ювелирно, обтекая каждую выбоину и сглаживая неровности разбитого асфальта. Я держала пластиковую трубку пальцами у самого его рта, гася руками все микровибрации кузова. Локти затекли почти сразу, спина заняла тупой, горячей болью, но я не шевелилась. Мой взгляд был прикован к цифрам на мониторе. Синие маяки за окнами ритмично резали полумрак салона, выхватывая из темноты то влажный пластик аппаратуры, то бледное, испачканное сажей лицо парня. Сатурация медленно, по проценту, ползла вверх. Влад притормаживал перед перекрёстками заранее, плавно уводя машину в сторону от заносов на мокрой снежной каше. Я чувствовала эти манёвры всем телом, подстраиваясь под каждое изменение траектории, напрягая мышцы бёдер и пресса, чтобы оставаться абсолютно неподвижной относительно каталки. Через небольшое окошко перегородки мне была видна только его напряжённая спина и короткие, точные движения рук на руле. Он обходил колеи, плавно переваливался через рельсы, аккуратно дозировал тормоз. Машина замедлилась и замерла у пандуса приёмного покоя ожогового центра. Влад заглушил сирену. Распахнулись задние двери, впустив внутрь резкий, холодный воздух, смешанный со сладковатым запахом больничного антисептика. Врачи уже везли приёмную каталку.

— Парень, в районе восемнадцати лет. Термоингаляционная травма, отёк гортани. Асистолия на месте, СЛР четыре минуты, один адреналин, завели. На ИВЛ, доступ внутрикостный в правое бедро. Параметры стабильны, — мой голос был сухим и хриплым.

Они быстро переложили пострадавшего и укатали его вглубь коридора. Я вышла на холодный пандус. Мокрый снег тут же упал на лицо. Сдёрнула грязные, липкие от пота латексные перчатки, бросила в бак для медицинских отходов. Руки дрожали мелкой, противной дрожью. В санитарной комнате я долго мыла руки под ледяной водой, смывая серую пену со щёк и лба.

Влад уже ждал у открытого салона. Он молча протираал каталку дезинфицирующим средством, убирал использованные ампулы и вешал новый флакон физраствора на штатив. Я села обратно на пассажирское сиденье. Влад закрыл салон, сел за руль, и сирена взвыла снова, и мы поехали обратно в сторону багрового зарева. Реанимобиль снова нёсся по проспекту, но теперь сирена казалась мне тише — уши забило плотным, непрекращающимся гулом. Я сидела в кабине, привалившись виском к холодному боковому стеклу. Мои пальцы, зажатые между коленями, мелко подрагивали. Сажа въелась в поры кожи на лице, стягивала щёки, а во рту стоял стойкий, сухой привкус гари, который не смывался даже водой. Я посмотрела на Влада. Его профиль казался серым в синих вспышках маяков. Он вёл машину молча, вцепившись в

руль, и на его лбу блестели крупные капли пота. Он не спрашивал, как я, не предлагал передохнуть. Мы оба понимали, что сейчас происходит там, на площади.

«Атриум» больше не ревел открытым пламенем. Пожарные прижали огонь, забили его тоннами пены и воды, и теперь над обрушенным стеклянным куполом поднимался колоссальный, тяжёлый столб белого пара и грязно-серого дыма. Снег вокруг ТЦ превратился в чёрное, вязкое месиво. Проектора спасателей резали эту сырую мглу жёсткими, белыми лучами, в которых кружились редкие снежинки. Влад плавно затормозил у южного входа, аккуратно объезжая разложенные по асфальту пожарные рукава. Я толкнула дверь, шагнула на землю и сразу пошла к задней части кузова. Смена лиц, носилок и диагнозов уже слилась для меня в один бесконечный, непрерывный конвейер. Я не запоминала их имён, не всматривалась в чёрные от копоти лица. В памяти оставались только симптомы, цифры на мониторе и глухой хрип в лёгких. Очередного пострадавшего — пожилого мужчину — спасатели вынесли на руках. Его одежда дымилась, на груди зияла разорванная рана от рухнувшего стекла.

— Влад, каталку! — скомандовала я, уже на ходу срывая зубами упаковку нового шприца.

Мы затащили его в салон. Двери захлопнулись. Машина поплыла по скользкой дороге, а я уже стояла на коленях, срезая ножницами остатки обгоревшей рубашки с его груди. Монитор пищал рвано, выдавая критическое давление. Вены на руках ушли, и, следуя протоколу, я снова пошла на внутрикостный доступ. Игла вошла с лёгким сопротивлением, кровь хлынула в пластиковую трубку, и я тут же подключила систему с плазмозамещающим раствором. Затем был следующий рейс. Женщина с тяжёлыми ожогами спины и бёдер, которая кричала так, что её крик пробивал даже гул нашего мотора. Я молча вводила наркотические анальгетики, контролируя дыхание и не давая ей провалиться в болевой шок. Мои руки двигались на автомате, пальцы находили ампулы в укладке вслепую, по памяти. Потом — парень с подозрением на напряжённый пневмоторакс. Я быстро наложила окклюзионную повязку с клапаном, стабилизируя состояние до передачи врачу. Свист выходящего воздуха смешивался со звуком аппарата ИВЛ.

Мы возвращались к «Атриуму» снова и снова. Время потеряло свои контуры. Я мельком глянула на часы — стрелки будто застыли в одном положении, а цифры расплывались перед глазами. Я не знала, сколько часов мы уже мотаемся между пожаром и больницами, не знала, какое сейчас время суток. Небо оставалось багрово-серым, тяжёлым, дым над руинами не рассеивался.

Влад в очередной раз притёр машину к боковому выходу. Я вышла из кабины, чувствуя, как колени подкашиваются от усталости. Воздух был сырым и холодным, но я его почти не чувствовала. Спасатели в измазанных копотью шлемах уже несли к нам новые носилки. На них лежал кто-то маленький — девочка-подросток в прожжённой куртке. Её лицо было бледным, покрытым серыми разводами сажи, а мокрые волосы облепили лоб. Я сделала шаг навстречу, на ходу натягивая новые перчатки. Латекс со звонким щелчком лёг на запястье. Я наклонилась перед носилками, протягивая руку к её шее, чтобы нащупать пульс на сонной артерии, и в этот момент мир вокруг сузился до размеров этой маленькой, едва бьющейся жилки под моими пальцами.

Глава 6

Жёлтый служебный ПАЗ, весь покрытый слоем серой дорожной грязи и копоты, тяжело перевалился через бордюр и со свистом затормозил у края южной парковки. Из его выхлопной трубы вырвался сизый, влажный клуб дыма, который тут же растворился в холодном утреннем воздухе. Утро уже полностью вступило в свои права, но свет был тусклым, плоским, лишённым тепла. На фоне этого серого неба «Атриум» казался гигантским, обгоревшим скелетом. Открытого огня больше не было видно, но над провалившимся стеклянным куполом поднимались густые, тяжёлые столбы белого пара — пожарные продолжали проливать дымящиеся конструкции, и этот пар смешивался с низкими осенними облаками. Вся площадь под ногами превратилась в грязное месиво из талого первого снега, чёрной золы и залитой пены. Двери автобуса с шипением распахнулись. Из тёплого салона на раскисший асфальт начали выходить медики новой смены. Они казались из другого мира — чистые, выпавшиеся, будто и не было этой ночи. Мы с Владом стояли у распахнутых задних дверей нашего реанимобиля. Наша смена была окончена, и это физическое ощущение предела навалилось сразу, как только машина замерла. Глаза нещадно резало от дыма, веки казались тяжёлыми, словно налитыми свинцом, а на щеках и лбу подсохли серые дорожки от пота и копоты. К нам подошли сменщики — рослый фельдшер Олег и доктор средних лет в чистой форменной кепке. Олег молча окинул взглядом наш салон, где на полу всё ещё хлюпала грязная вода, а в мусорном баке высилась гора использованных ампул и упаковок.

— Привет, — негромко сказал он, протягивая Владу руку. — Ну и досталось же вам.

— Здорово, — Влад пожал его ладонь, его голос был совсем глухим, простуженным. — Машину забирайте. Кислорода осталось полбаллона, адреналина почти нет, системы все израсходовали. Монитор работает ровно, без сбоев.

Я молча протянула Олегу папку с картами вызовов и журнал учёта медицинских препаратов. Пальцы едва слушались, бумага казалась шершавой и неприятной на ощупь.

— Все тяжёлые, Олег, — тихо произнесла я, глядя, как он быстро пролистывает страницы, сверяя записи. — В основном термоингалиционные, ожоговый шок. Один пневмоторакс был — сделала декомпрессию иглой на ходу. Сдала в ожоговый, все стабильные.

— Понял, Кир, принимаю, — Олег кивнул, пряча папку в чистый планшет. — Идите к автобусу, вас там водитель ждёт, сразу на подстанцию повезёт. Отсыпайтесь.

Влад тяжело вздохнул, закинул на плечо свою старую спортивную сумку с личными вещами и сделал шаг в сторону пазика. Он двигался медленно, волоча ноги по грязной каше, и его широкая спина казалась сейчас совсем сутулой от усталости. Я пошла за ним, чувствуя, как при каждом шаге ботинки глубоко увязают в мокрой жиже. У открытых дверей автобуса уже собирались наши медики из других ночных бригад. Они стояли молча, прислонившись к грязному борту, серые, осунувшиеся, с воспалёнными от дыма глазами. Никто не разговаривал, у всех было одно желание — доползти до сиденья и закрыть глаза. Влад поднялся на подножку, зашёл в салон и обернулся, ожидая меня. Я поставила ногу на первую ступеньку, почувствовав, как тепло из салона пазика ударило в лицо, но в этот момент со стороны «Атриума» раздался пронзительный, многоголосый крик. Я повернула голову. МЧС-ники в тяжёлых закопчённых шлемах только что вскрыли ещё одну боковую галерею одного из этажей. Из тёмного проёма, откуда валил густой серый дым, спасатели начали выносить людей — одного за другим, на руках, на брезентовых носилках. Сортировочная площадка, развёрнутая на южной стороне, мгновенно пришла в движение. Свежие бригады, только что приехавшие на автобусе, уже бежали туда, но пострадавших было ещё много. На пункте сортировки началась суeta, медики металась между носилками, рук явно не хватало. Я медленно опустила ногу обратно на грязный асфальт.

— Кир, ты чего? — Влад посмотрел на меня сверху из тамбура автобуса. Его усталые глаза прищурились.

— Поезжай один, Влад, — я застегнула молнию куртки до самого подбородка и поправила воротник. — Там завал у ребят. Свежие пока втянутся, время упустят. Я помогу на сортировке.

Влад долго смотрел на меня. В его взгляде не было удивления или попытки спорить — за годы совместной работы он слишком хорошо изучил мой характер. Он знал, что если я решила остаться, то тащить меня силой в автобус бесполезно. Он просто молча кивнул, засунул руку в карман куртки, достал нераспечатанную пластиковую бутылку с питьевой водой и протянул её мне.

— Держи. Там гарью дышать будешь, горло разъест.

— Спасибо, — я взяла бутылку, сунула её в глубокий карман своей ветровки и сделала шаг назад от автобуса.

Двери пазика с тяжёлым пневматическим шипением закрылись. Автобус медленно тронулся, обдав мои ноги струёй тёплого выхлопного дыма, и поехал в сторону выезда с площади, аккуратно объезжая пожарные рукава. Я проводила его взглядом, чувствуя, как холодный утренний ветер мгновенно выдувает остатки автобусного тепла из-под куртки. Развернувшись спиной к уходящей машине, я поправила перчатки и зашагала обратно — туда, где под жёстким светом прожекторов, среди грязи и белого пара, разворачивался новый круг этой бесконечной смены. Внутри палатки МЧС было душно и шумно. Тепловая пушка молотила без остановки, нагнетая сухой, тяжёлый жар, смешанный с запахами пота, медикаментов и сырой, обгоревшей ткани. Под ногами хлюпал мокрый настил, покрытый серыми разводами от грязной обуви. Вдоль стен стояли складные столы-носилки, над которыми горели яркие белые лампы, выхватывая из полумрака лица врачей и медсестёр. Меня сразу определили во вторую палатку, где принимали пострадавших средней тяжести. Пальцы сводило судорогой от много часового напряжения, а руки мелко дрожали так, что я едва могла удержать маркер. Я понимала, что сейчас не смогу сделать ни одного точного укола, не попаду ни в одну спавшуюся вену — физический предел был слишком близко. Координатор на входе, оценив мой серый вид и дрожащие руки, просто кивнул на крайний стол, где металась молодая девчонка-фельдшер в абсолютно чистой синей форме. Её звали Маша. На её бейджике ещё блестел нецарапанный пластик, а круглые от ужаса глаза выдавали, что на таком крупном ЧС она оказалась впервые в жизни. Она держала в руках систему для капельницы, и игла заметно ходила ходуном в её пальцах. Перед ней на носилках лежал мужчина с тяжёлыми ожогами предплечья, и Маша просто замерла, теряясь от его прерывистых стонов и вида обугленной куртки.

— Маша, дыши, — я подошла со спины, и мой голос, сухой и спокойный, заставил её вздрогнуть. — Смотри на меня. Не на руку его смотри, на меня.

Девчонка обернулась, её губы дрожали. В моих глазах, засыпанных угольной пылью, она увидела то самое ледяное спокойствие, которого ей сейчас так не хватало.

— Я... я не могу вену найти, Кира, — прошептала она, и её голос сорвался. — Они все ушли, жгут затянула, а там ничего...

— Жгут выше перенеси, — я аккуратно отодвинула её руку и сама перехватила влажное, липкое плечо пострадавшего. Мои пальцы, хоть и дрожали, легли на его кожу жёстко, фиксируя локтевой сгиб так, чтобы вена не каталась. — Вот она, идёт по краю. Видишь? Ставь катетер. Медленно. Я держу руку.

Маша сделала глубокий вдох, её плечи опустились. Под моим присмотром её пальцы обрели относительную уверенность. Игла вошла ровно, в пластиковом павильоне показалась тёмная кровь.

— Пережимай, — скомандовала я, удерживая локоть мужчины. — Подключай систему. Отлично. Теперь фиксируй пластырем.

С этого момента мы стали работать как один механизм. Я была её голосом, её координатором и её опорой. Сама я не брала в руки шприцы и иглы, но я держала бьющихся в бреду пациентов, фиксировала сломанные конечности, пока Маша накладывала шины, и вслепую подавала ей ампулы из укладки, называя дозировки. Мой многолетний опыт и холодная голова вели её сквозь этот хаос. Как нам казалось, поток не прекращался, превращаясь в сплошной, смазанный конвейер. Лица пострадавших стирались в памяти, оставались только алгоритмы действий: этому обезболивающее и шину, этой — кислород и капельницу на ходу, следующего — переложить на бок, чтобы не захлебнулся. Маша работала быстро, её форма покрылась пятнами сажи, каплями крови и растворов, но паника в её глазах уступила место сосредоточенности. Она постоянно косилась на меня, проверяя свои действия по моему взгляду, и если видела, что я просто спокойно держу плечо пациента, успокаивалась сама. Время потеряло счёт: секунды растягивались, а часы сливались в один гул. От гула тепловой пушки и постоянных наклонов над носилками голова раскалывалась, колени подкашивались от усталости, а перед глазами плыл плотный серый туман. Я держалась только на чистом, упрямом адреналине, прислоняясь бедром к металлическому каркасу стола, чтобы просто не упасть. Нам нужно было удержать эту линию, пока спасатели выносили людей из цокольных этажей «Атриума», и мы её держали — свежие, быстрые руки Маши и мой холодный, измученный разум. Ощущение времени для меня стёрлось и перестало быть значимым. Но, к сожалению, всему есть предел. Я сделала шаг в сторону, освобождая место у стола, и вдруг мир качнулся. Пол под ногами, до этого момента надёжный и твёрдый, словно превратился в зыбкую трясиину. В ушах загудело, как в трансформаторной будке, и этот гул стремительно вытеснил все остальные звуки: рёв сирен, крики, стоны, скрежет металла. Зрение сузилось до крошечной точки, края которой начали быстро затягиваться серым туманом. Я попыталась ухватиться за край стола, но пальцы, уже давно лишённые чувствительности, не слушались. Колени подогнулись, и я, кажется, даже не успела испугаться — просто ушла вниз, в темноту. Пришла в себя я не сразу. Сквозь толщу тяжёлого, ватного сна пробивались далёкие, глухие голоса.

— Кира! Слышишь меня? Кира! — голос был резким, встревоженным, я узнала Машу. Я попыталась дёрнуть веками, но они будто свинцом были залиты. В глаза ударил яркий, бьющий по нервам свет фонарика.

— Давление не определяется, — пробасил кто-то совсем рядом. — Пульс на сонной нитевидный. Полное физическое истощение. Организм на пределе. Давайте её на носилки, передадим в другую бригаду, пусть везут в стационар.

Меня подняли. Ощущение было такое, будто я — не живой человек, а какая-то тряпичная кукла, набитая песком. Я чувствовала, как под спиной прогибается брезент, как чьи-то руки поправляют воротник моей куртки. Меня несли, и мир вокруг, до этого стоявший на месте, теперь плыл перед глазами рваными кусками: куски брезента, тёмное небо, лица коллег, искажённые тревогой. Я хотела сказать, что мне не нужно, что я могу сама, но вместо слов из горла вырвался только слабый, беспомощный хрип. Внутри реанимобиля пахло уже знакомо — антисептиком и чем-то ещё, приторным, тошнотворным. Меня уложили на каталку. Кто-то пристегнул ремни, кто-то накрыл меня одеялом. Слышались обрывки разговоров:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.